

Соб. кинематограф. — 1989 — 26 экз. — 0.5

ОБЩИЕ ЛИЧНЫЕ БЕДЫ

Кажется, с признанием таджикского языка государственным для творческой интеллигенции республики наступил звездный час. В этом заложен мощный внутренний стимул для развития истинно национальной культуры. Что же мешает! Отношение. Культура по-прежнему остается на задворках при решении многих накопившихся проблем, а ее представители продолжают вариться в собственном соку. Воз культуры продолжает катиться по наезженной колее развлекательного серпантина.

Театры Таджикистана

Театры по привычке вывешивают транспаранты о начале нового сезона, анонсируют новые пьесы, увы, со старыми идеями... они вступают в новый сезон перестройки бодрым шагом, без зрителей, без идей, без лидеров. А зачем лидеры? Они мешают жить спокойно, зарабатывать на жизнь помимо и вне театра. Вот, к примеру, в Академическом национальном драматическом театре имени Лахути премьеры по-прежнему выпускаются крайне редко. Раньше можно было все валить на Министерство культуры, теперь они сами себе хозяева, но зрителей как не было, так и нет. Зато классическое наследие сохраняют... Только какое?

Русский драматический театр им. Вл. Маяковского не устроила культурная программа режиссера Валерия Ахадова. Не произвел впечатления на обидчивую труппу и успех его постановки «Дорогой Елены Сергеевны», с которой театр выезжал и в столицу, и за рубеж. Сейчас пригласили на должность главного режиссера Н. Ширяева из Ленинграда. Его трудности — впереди. Маячит и такой вопрос: как быть с экспериментальной группой Молодежного театра им. М. Вахидова под руководством Фаруха Касимова, который своим спектаклем «Поджигатели» по М. Фришу ратовал за национальный язык, сохранение культурных традиций, свободу совести, гражданственность в искусстве? Председатель горисполкома заверил, что финансирование театра будет осуществляться за счет бюджета города. После долгих мытарств театру дано право существовать. Горисполком выделил средства сроком на два года. А что дальше? И будет ли это «дальше»?

Поэтому можно назвать поистине отважным поступок Малики Джурабековой, решившей открыть экспериментальный фольклорно-этнографический театр-студию при Союзтеатре Таджикистана.

Трудностей немало. Своего помещения нет. Острога и неотложность технических проблем мешают сосредоточиться на главных, творческих вопросах, продолжить поиск своих выра-

зительных средств, не похожих на приемы ни одного из существующих театров, — ни психологического, ни площадного, ни музыкально-этнографического. В основе зрелища должно лежать мифологическое сознание, эпическое повествование.

Уже сейчас интуитивно, подсознательно, через ритм, пластику, звукомысловый ряд актеры пытаются постигнуть способ существования в законах народного эпоса. Но условность обрядовой культуры вступает в противоречие с условностью современной сцены, а сценическое время — в конфликт с временем реальным. Создатели спектакля, точно следуя букве исторической правды, подробно восстанавливают каждый элемент играемого обряда. Драматургическая канва Мехмун Бахти полностью подчинена разыгрыванию живых, натуральных картинок: рождение ребенка, сборы жениха, невесты и т. д. Орнаментальная культура берет верх над неустойчивой сценической формой.

Премьера нового театра «Гавроша» («Колыбель») «Лола и Лочин» М. Бахти состоялась в киноконцертном зале. Половина участников спектакля впервые вышла на сцену (они занимались в самодеятельности). Вторая половина — профессионалы, не реализовавшие себя в прошлом и теперь решившие взять реванш.

Но осуществлять этот реванш можно, только имея в штате профессиональных режиссеров, которых, увы, пока здесь нет. Именно по этой причине, не успев и не надеясь раскрыться, труппа уже покинуло немало артистов.

Говорят: «Благими намерениями дорога в ад вымощена»... Кинорежиссер В. Ахатов пришел с благим намерением создать хороший театр и испытал все прелести закульсного ада. Ему не помогли, выдавлили. Но он организовал студию «Полуостров» под эгидой «Спецавтоматики» и Союзтеатра Таджикистана. Нашлись меценаты, влюбленные в театр, не считающие культуру делом второстепенной важности. Почему же Ахатова так тиснет на сцену? Ответ, как это ни странно, я нашла в его фильме

«Руфь». Доскональная психологическая разработка каждого штриха, умение «обставить», «обиграть» актера, создать ему благоприятную среду. Все во имя актера, ради актера — главный постулат режиссерского метода Ахатова.

Для Ахатова непринципиальна национальная принадлежность героя, его больше интересует психология человека мира, гражданина Вселенной... Анни Жирардо не надо было долго объяснять, что такое ей — французке — просидеть из-за мужа — «врага народа» — двадцать лет в лагерях ГУЛАГа... И она это играет, не зная языка партнеров... Точно так же А. Петренко, играющему сельского учителя, не надо было объяснять, что такое прийти с детьми по морозу семь верст, чтобы услышать фортепианный концерт. Для этого надо пошире открыть глаза и заглянуть в умирающие деревни...

Через мелодику таджикского эпоса «Гурули» и музыку Рахманинова, звучащую в переделанной под клуб церкви, по-особому осмысляешь эпическую культуру каждого народа, где обязательно в центре стоят судьба человека, его личное достоинство, противостоящее природным и социальным стихиям.

Только когда личная культура человека становится общественной ценностью, беда отдельного человека может быть понята как общая беда. Профессиональные, национальные, языковые проблемы здесь отходят на второй план. И если кургантинбинский, канибадамский театры в Таджикистане остались без главных режиссеров, так интересно заявивших о себе на двух предыдущих фестивалях, то это не только беда Министерства культуры, но и наша общая. Если памирский театр, наконец, как писала «СК», может играть спектакли на своем родном языке, то это не только победа театральных деятелей Таджикистана, но и наша общая.

Любовь ЛЕБЕДИНА.

● Сцена из спектакля «Лола и Лочин».

Фото В. Иващенко.